

*М.А.Мунтян,
доктор исторических наук,
Российская Академия управления*

Россия в третьей цивилизационной революции

Куда идет Россия? Вопрос этот сейчас в значительной степени риторичен, так как страна переживает еще нисходящую фазу жесточайшего структурного кризиса, и ее будущее непосредственно связано с тем, каким образом и в какие сроки она начнет выходить из этой критической ситуации. В то же время указанный вопрос достаточно схоластичен, ибо при всей "особости" культурно-исторического содержания российской действительности, при всей специфичности происходящих здесь событий не может быть никакого сомнения в том, что они — неотъемлемая часть глобальных процессов, характеризующих современный меняющийся мир и отражающих общие закономерности новой парадигмы цивилизованного развития. И вместе с тем этот вопрос чрезвычайно актуален и важен, так как, не задавшись им, трудно вырваться за рамки одномерных концепций (будь то "красные патриоты", предлагающие двигаться вперед, повернувшись к будущему спиной, или же "кока-кольные адепты", идентифицирующие будущее с бездумным, а потому безумным копированием форм и норм

западной жизни, считающих этот путь единственно верным и эффективным), не преодолев которые вряд ли можно рассчитывать на успех в сознательном, созидательном реформировании России.

Не считая нужным и возможным вступать в прямую дискуссию с подобными подходами к решению российских проблем, так или иначе отразившимися в некоторых выступлениях на нашем содержательном симпозиуме, хотел бы подчеркнуть лишь один момент методологического плана: в обществе со сложной национально-социальной структурой и накопившимися исторически нерешенными проблемами в принципе не может быть одного, будь оно даже гениальным, простого решения. Единственность здесь возможна лишь в неизбежности сложных ответов, многогранности проектов развития, в многоярусности программ, в широкой палитре реформ, в обязательности несовпадающих исходных позиций, в одновременности результатов. Только в таком случае можно избежать искушения вновь заняться тотальной социальной инженерией, лишить питательной среды особый тип мышления, при котором в сознании людей стираются границы между нормой, идеалом и действительностью.

В нижеследующих тезисах предпринята политологическая попытка рассмотреть проблемы современного переустройства России в контексте общемирового цивилизационного развития, что позволяет увидеть в новом свете многие дискуссионные вопросы стратегии российского реформирования.

I. Мятёжную историю XX столетия можно рассматривать, с одной стороны, как продолжение, инерционное воспроизводство, развитие процессов XIX в. и их завершение, как "конец" многих из них и как "начала без концов", т.е. возникновение, появление принципиально качественно новых явлений и моментов, направлений жизни, которые не являлись прямым продолжением и экстраполяцией прошлого в будущее через настоящее, а представляли собой элементы будущего в повседневности современного мира. Взятые в комплексе, в совокупности, эти явления во второй половине века начали создавать духовно-социальное поле такого вселенского напряжения, выход из которого обуславливал смену основ и жизнеустройства, и жизнедеятельности человечества. "Вызовы истории" в виде острейших глобальных проблем выступили одновременно и как индикаторы конечности, исчерпанности возможностей цивилизации индустриально-потребительского типа, и как провозвестники нового этапа цивилизационного развития, определяемого приоритетами третьей цивилизационной революции*:

— возникающим новым типом постиндустриального производства, в котором человек занимает позицию "носителя всеобщих производительных сил", где он во все большей мере перестает быть

* В начале 60-х годов Дж.Бернал в качестве первой из таковых назвал переход к сельскохозяйственному производству, вторую связывал с созданием индустрии и третью рассматривал как концентрацию производительных усилий в "третичной сфере", "обслуживающей" и развивающей самого человека.

агентом производственного процесса и встает рядом с ним в качестве организатора, контролера, регулировщика. Этот тип производства З.Бжезинский в конце 60-х годов назвал "технотронным", он же квалифицируется и как автоматизированно-компьютерный, компьютерно-коммуникативный и т.д.

— состоянием перманентного перехода экономики товара в экономику денег и через нее — в "экономику человеческих способностей";

— превращением постиндустриальной хозяйственной деятельности в экономику "дорогого человека", где главной формой накопления становится то, что эффективно потреблено для подготовки и развития человека-труженика;

— значительно большим, чем ранее, контролем человека над своей социальной и природной средой. Конфликтогенное общество индустриального типа с его классовой поляризацией уступает место обществам, где основная ось конфликтов смещается с уровня классов, стратов, групп в плоскость индивид — общность. Указанный тип конфликтов будет носить по преимуществу экзистенциальный, а не социальный или политический характер, особенно при перерастании современных постиндустриальных обществ в их следующую качественную форму — информационное общество.

П. В мировой науке практически достигнут консенсус относительно того, что на наших глазах происходит становление единого мира, единой человеческой цивилизации, что доминантной тенденцией мирового развития является интеграция как в экономическом, политическом, так и в культурологическом плане. В меньшей степени рассматриваются формы самореализации этой тенденции, тенденции, объективно проявляющейся не только в интеграционных, но и в дивергентных процессах, в регионализации социально-экономического и политического развития современного мира. С точки зрения постиндустриализма он, этот мир, предстает как тренд модернизирующихся пространств, соединенных одной и той же логикой, вектором развития, но стартующих к общему будущему из разного исторического времени, продвигающихся к единой цивилизации своим собственным, индивидуальным путем. Каждое из таких пространств состоит из "центра" или "центров" модернизации и "периферии", связанных, как правило, определенной социальной и культурной однородностью, единством или близостью подходов к внерегиональным проблемам, политической и экономической взаимозависимостью составляющих их стран. Примерами таких пространств могут быть США и Канада, Западная Европа, Япония и "индустриальные тигры" Юго-Восточной Азии. В такой логике рассуждений Россия выступает самостоятельным модернизационным центром, "периферией" которого является не только Содружество независимых государств, но, по всей видимости, и весь ареал стран бывшего "реального социализма".

Эта научная гипотеза позволяет, во-первых, "заземлить" тот очевидный факт, что монополярный, образовавшийся в XV в. "евроцентристский" мир вновь, но уже на новой, постиндустриальной основе, возвращается к цивилизационно мультиполярной парадигме развития. Она, во-вторых, снимает, по существу, извечный вопрос о синтезе западной (евро-атлантической) и восточной цивилизаций и переводит его в проблему складывания общемировой системы цивилизаций, сосуществование и соразвитие которых генерирует импульсы, раскрывает возможности дальнейшей глобализации их созидательных потенциалов, рождает ту жизненную энергию, которая должна обеспечить выживание человечества в целом. Тем самым отвергается теория унификации современного мира по западному образцу и вводится в свои естественные права концепция многоликого, плюралистичного мирового социума, обеспечивающего свое бессмертие мобилизацией всего культурно-национального генофонда человечества. Указанная гипотеза, в-третьих, корректирует, уточняет современное понимание "великого модернизационного процесса", если пользоваться определением С.П.Хантингтона, под которым подразумевается перестройка традиционных обществ в соответствии с ценностями индустриальной культуры. Один из основателей модернизационной теории Л.Снайдер даже определял этот процесс как "единственную исторически реальную революцию". Подобная абсолютизация и категоричность в оценке индустриальной модернизации скрывает под собой по крайней мере два важнейших обстоятельства: с одной стороны, она не была ни единственной, ни первой (в историческом плане переход от собирательства к освоению земледелия и скотоводства не менее радикально изменил основы и жизнедеятельности и жизнеустройства человечества), с другой стороны, третья цивилизационная революция в 60—70-е годы XX столетия родила собственный постиндустриальный модернизационный процесс, качественно отличающийся от существа и направленности своего предшественника. Так, если логика функционирования экономики индустриального типа ведет к упразднению многообразия, к гомогенизации общества, к тиражированию во всех его сферах и секторах единого образца производственной и социальной организации, то "человеко-центричность" постиндустриальной экономики проявляется в стимулировании многообразия, в неприятии навязывания каждому особому виду деятельности абстрактно-унифицированных мерок, находя для них оптимальные индивидуализированные формы саморазвития. Быть может, именно в этом таится разгадка "таинственности" Востока, активно отторгавшего модернизацию индустриального типа и сумевшего достаточно безболезненно в лице отдельных своих стран выйти на "пик" современного постиндустриального производства, сохранив традиционалистские черты общественной жизни?

III. "Человеко-центричность" постиндустриализма как нового типа производства и как стратегического направления развития че-

ловечества, когда индивидум впервые в истории развивается быстрее, чем создаваемые им орудия труда и системы машин, выдвигает на первый план общественной жизни проблемы демократии, демократического переустройства жизнедеятельности социума. Она, эта проблема, драматична для стран с достаточно высокой степенью индустриального развития, ибо именно демократия становится пропуском в фазу постиндустриализма (З.Бжезинский отмечал в этой связи, что общество "реального социализма", "деперсонифициров человека", не "смогло расшифровать современную экономику" и "тем самым лишило себя возможности вступить в эпоху постиндустриального развития"), но не менее актуальна и для обществ с ведущими признаками постиндустриализма, так как предъявляет к ним ряд собственных требований. Это обстоятельство лучше всего просматривается, если взять концепцию демократии в ее историческом развитии. Здесь представляется целесообразным выделить несколько моментов:

— демократия — это процесс, по-разному проявляющийся во времени и пространстве (неаутентичность рабовладельческих демократий в греческих полисах, доимператорском Риме, США, нетождественность буржуазных демократий XIX в. и после второй мировой войны), демонстрирующий свою плюралистичность, несмотря на единство ряда изначальных и основополагающих принципов;

— концепция современной демократии ведет свою "родословную" от "философской революции" XVII—XVIII вв., над которой возвышались фигуры Д.Локка и Ж.-Ж.Руссо. Первый из них выступил родоначальником доктрины либерализма, второй — демократической теории. Их различие хорошо видно в такой категориальной паре, как "власть и свобода". Если для Локка нет сомнений в отрицательной ценности власти и смыслообразующей ценности, положительности свободы, то для Руссо главное заключалось не в проблеме границ власти, а в ее распределении. Либеральные доктрины, как правило, рассматривают проблему свободы в функции изолированного индивида, в то время как демократическая теория — в функции индивида, находящегося в коллективе. Теоретически либеральное государство не обязательно должно быть демократическим, а демократическое — основываться на либеральных ценностях. Другое дело, что конкретно-исторические условия Западной Европы XIX столетия привели к синтезу элементов этих двух политических систем, обусловив возникновение либерально-демократических государств, так называемых либеральных демократий, где маятник политической жизни колеблется в основном между устремленностью к свободе (либерализм) и равенству (демократия). Нет сомнения в том, что попытки универсализации западных моделей либеральной демократии некорректны с научной точки зрения и антиисторичны по существу. Палитра реализации демократической идеи не может не быть гораздо разнообразней и многоценней;

— большинство исследователей демократии как общественного феномена склоняются к мнению, что она имеет смысл и в действительности существует только в национальной функции, в национальной форме. Если подлинный прогресс обязан опираться на скоррелированное развитие экономической, политической и духовно-культурной сфер жизни общества, то демократия как воплощение народного суверенитета может укорениться только на национально-культурной почве. В этой связи можно констатировать, что даже в случае развития "вдогонку" слепое копирование чужого опыта, демократической инфраструктуры достигших определенного успеха обществ является делом бессмысленным и безнадежным;

— демократия в ее евро-атлантических вариантах испытывала и взлеты, и поражения, когда казалось, что эта "очень сложная и чувствительная система" будет раздавлена монархиями, автократиями или тоталитарными режимами. Последняя такого рода "заминка" случилась в 50—70-е годы нашего столетия, когда развитые страны Запада оказались в полосе кризиса, затронувшего все структуры их организмов, включая и демократические институты. В эти годы появилась многочисленная "алармистская" литература, предсказывавшая закат демократии, так как демократические принципы не получили должного воплощения в общественной практике западных стран, в каждой из существующих либеральных демократий обнаруживались олигархия, "теневая" власть и т.д. Р.Арон, один из лучших знатоков западного общества, писал в 1977 г. в книге "В защиту Европы, приходящей в упадок" о "самоуничтожении либеральных демократий" в связи с тем, что "они склонны идти дальше того, что является допустимым для сплоченности наций", видя выход в возрождении морали гражданственности, ставящей "выше всего выживание, коллективную безопасность... заботу об общественном благе". Собственно, то же самое имел в виду И.Кристол, отмечая в 1979 г.: "В великой неисправности находится этос капитализма, а не его экономика, которая есть его поистине спасающая благодать". По мере того как постиндустриальная модернизация в этих странах стала определять строй общественной жизни, выяснилось, что ее главное воздействие на общество состояло в его дальнейшей демократизации. Появившаяся новая литература по проблемам демократии фиксирует в постиндустриальных обществах, с одной стороны, определенную "делиберализацию" основополагающих демократических принципов, с другой — "демократизацию" классических либеральных ценностей. Осью, вокруг которой начинает вращаться демократическая жизнь западных государств, становится права человека. Положение и учет мнений меньшинства превращаются в критерий демократичности общества. Либеральные демократии, демократизируясь, делают существенный шаг от мажоритаризма (диктатуры большинства) к консенсусной демократии, которая, по всей видимости, и является родовым признаком постиндустриализма,

здесь же возникают явные тенденции увеличения удельного веса партиципаторной* демократии за счет представительной.

IV. Россия полностью и целиком втянута в третью цивилизационную революцию, в постиндустриальный модернизационный процесс. Именно здесь и сейчас решается вопрос об универсальности этого процесса, о планетарном масштабе его преобразовательных возможностей. Объективные закономерности нового этапа цивилизационного развития предопределили крах "реального социализма", они исподволь, подспудно направляют и структурируют видимую "расхристанность" постсоветского, меняющего основы своей жизни общества, пробиваясь в нем новыми идеями и ценностями, стимулируя, нередко против человеческой воли и устоявшегося самосознания, радикальные реформы с кардинальными социальными последствиями. Проявляющиеся в публицистике попытки акцентировать тезисы об отсталости страны, ее "третьемировской" принадлежности, "выпадении из цивилизации" в недалеком прошлом чрезмерно идеологизированы, чтобы быть рациональными. Да, в современной России соседствуют и противоборствуют идеи и образы давно канувшей в Лету России традиционной (их активно внедряют в политическую жизнь патриотические силы правого толка), отвергнутой самой жизнью России коммунистической (ее сторонники значительно сократились количественно, но достаточно организованы и динамичны), и стартовавшей в будущее, делающей только первые шаги России демократической. Да, в нашей стране островки постиндустриального производства соседствуют с огромными регионами, в той или иной степени обойденными всеми тремя цивилизационными революциями. Индустриально развитые районы перемежаются зонами с малорентабельной сельскохозяйственной структурой, она нередко предстает "испытательным полем, на котором сконцентрированы все острее проблемы современности, все кризисы, все невзгоды". И все же не вызывает сомнения вывод академика Г.В.Осипова о том, что "предыдущими поколениями в России созданы материальные, технологические, социальные, организационные, духовные предпосылки вхождения в постиндустриальное информационное общество, и этим историческим шансом необходимо воспользоваться".

Реализация этого "исторического шанса" требует концентрации усилий всей страны на следующих решающих направлениях:

— полном технологическом перевооружении экономики с одновременной ее структурной перестройкой в соответствии со стандартами постиндустриального типа производства;

— диверсификации форм собственности и организации их производительного сотрудничества на базе рыночных отношений;

— постепенном вытеснении государства из сферы производства по мере складывания механизмов экономической саморегуляции;

* Партиципация (от лат. participo — участвую) — участие в чем-либо.

— демилитаризации всей жизни общества и государства, важнейшей частью которой, но только частью, является конверсия;

— всемерном развитии науки, народного просвещения и здравоохранения, постоянном повышении трудовой квалификации трудящихся, что позволит формировать и развивать умение людей жить и работать в новом укладе постиндустриализма, пользоваться достижениями современного компьютерно-коммуникативного мира, участвовать в его развитии и совершенствовании.

Первые реальные шаги по переустройству России свидетельствуют, что российское реформирование не может оставаться только "модернизацией сверху", что оно не должно превращаться в ту или другую форму "вестернизации" жизни страны, что избранная стратегия преобразований является далеко не оптимальной. Ее авторы, как представляется, прошли мимо того очевидного факта, что потребность мирового сообщества в новых идеалах прогресса "означает для передовых стран Запада потерю парадигмы их многовекового развития" и там "все яснее понимают, что либеральная абсолютизация частной собственности и рыночных отношений более недопустима, она становится убыточной"*⁴, и России нет смысла ориентироваться на их прошлое и терять силы на реализацию устаревших идей и моделей. Более верной с точки зрения стратегии развития следует считать ориентацию на такие принципы реформирования, когда освоение высших достижений постиндустриализма ведет не к разрушению, а к трансформации национальной самобытности страны и конструктивному синтезу этих достижений и цивилизационной "особости" России. В Японии подобный путь дал столь сильный толчок прогрессу общества и его производительных сил, что это позволило стране во многом опередить государства евро-атлантической цивилизации, модели постиндустриальной модернизации которых выступали в качестве парадигмальных.

В этой связи представляется, что российской интеллектуальной элите еще предстоит создать собственную, оригинальную модель экономической системы и социальных отношений, укорененную в богатом национально-историческом бытии и цивилизованной феноменальности страны. Для этой работы отведен предельно короткий срок. С одной стороны, "утечка мозгов", растущее разбазаривание природных ресурсов, прогрессирующий развал экономического потенциала, угроза деградации населения могут на каком-то этапе перечеркнуть саму перспективу подобного развития. С другой стороны, ускорившийся до предела исторический процесс не оставляет времени на метод "проб и ошибок", наказывая быстрой и бесповоротной маргинализацией. Хочется верить в то, что более или менее оптимальная стратегия российского постиндустриального развития будет в скором времени выработана, и народу, обществу придется заплатить за это минимальную цену.

* *Осинов Г.В.* Место и роль глобальных проблем в концепции безопасности Российской Федерации. // *Безопасность.* 1993. №8. С.31.

Россия может и должна, вернее, не может не удержаться на орбите демократического преобразования и постиндустриального преобразования, противные варианты противоречат ее объективным возможностям, национальным интересам и в конечном счете логике становления той геополитической картины мира, которая выстраивается постиндустриальным этапом развития человечества. В данном случае нельзя не согласиться с известным мнением, что "геополитическое положение России уникально. В нем заложена судьба и ее самой, и всего мира". Стратегия реформирования России должна быть скорректирована с прогрессом всего тяготеющего к ней евразийского модернизирующего пространства, ибо только в таком случае она может стать оптимальной по результатам и минимальной по издержкам. Отражая объективные интересы страны, она должна учитывать и интересы мирового сообщества народов, способствуя тем самым гармонизации отношений и сотрудничества между государствами, принадлежащими к разным модернизирующимся регионам. Россия нужна миру как цивилизованная самоценность, как лидер огромного евразийского пространства, обеспечивающего стабильные и плодотворные отношения между великими цивилизациями Запада и Востока. Мир нужен России как источник современного опыта социально-экономического и политического развития, как важнейший потенциал содействия в постиндустриальной модернизации, как благоприятная среда, в которой идет поиск ее новой идентичности. Общечеловеческие ориентиры развития, по всей видимости, едины, но каждый народ, каждая страна идет к ним своей дорогой, все более подчиняя свою жизнь цивилизованным, общепринятым нормам и формам мирового сожительства людей. Таков и путь России в третьей цивилизационной революции, такова ее дорога к "миру миров".